

БАЛКИС ХАЛИЛОВНА КАРМЫШЕВА

(13.07.1916–09.10.2000)

9 октября 2000 г. на 85-м году жизни после продолжительной болезни скончалась Балкис Халиловна Кармышева, доктор исторических наук, старейший сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Этнографическая наука потеряла крупного ученого, талантливого, влюбленного в свою профессию исследователя, одного из лучших знатоков этнографии народов Средней Азии, а мы, ее коллеги, друзья и ученики, – доброго и отзывчивого товарища, простого, открытого, общительного и доброжелательного человека. Бескорыстие и скромность ее были поразительны: она щедро делилась с коллегами и учениками не только своими полевыми материалами, которых у нее был непочатый край по самым разным областям этнографии Средней Азии, но и мыслями, идеями, своими необъятными знаниями, не претендуя при этом на какую-либо признательность.

«Нет в мире ничего прекрасней бытия». Эти слова Н. Заболоцкого могли бы стать эпиграфом ко всей жизни Балкис Халиловны. Жизнерадостная и веселая, остроумная и умеющая ценить чувство юмора у других, Балкис Халиловна была влюблена в жизнь во всех ее проявлениях. Она любила природу и тихие залы музеев, музыку и книги, путешествия и неторопливую беседу за чашкой чая. Она одинаково восхищалась и красотой пожелтевшего дерева, и глубокой философской мыслью. Все гармоничное и совершенное в этом мире неизменно приводило ее в восторг. Только невероятное жизнелюбие помогло Балкис Халиловне не только выжить после авиакатастрофы, в которую она попала, возвращаясь с одной из конференций, не только оправиться после сотрясения мозга, которое она получила, поскользнувшись на подмерзшем тротуаре, но и вернуться к научной работе, написать, преодолевая сильнейшие головные боли, большое число статей и капитальную монографию, отредактировать целый ряд книг.

Трудно представить современную этнографию Средней Азии без Б.Х. Кармышевой, но еще труднее представить, что было бы, не стань Балкис Халиловна волей судеб этнографом.

Б.Х. Кармышева родилась 13 июля 1916 г. в Кульдже (Китай, провинция Синьцзян) в семье служащего частной торговой фирмы. В 1923 г. ее отец, Халил Фатихович Кармышев, был направлен хозяином в Москву в качестве доверенного лица. В 1930 г. отец был арестован и сослан на три года в концлагерь, после которого через какой-то срок был отправлен на Колыму. А мать с шестью детьми должна была покинуть в трехдневный срок не только Москву, но и центральную часть России. Она уехала в г. Андижан

(Узбекистан), где жили знакомые кульджинцы. Те тяжелые и несправедливые годы оставили неизгладимый след в душе Балкис Халиловны, и она часто с болью вспоминала о них, о безвинно пострадавшем отце, человеке высокой культуры и образованности.

Где только ни трудилась Б.Х. Кармышева в те нелегкие предвоенные и военные годы: и на текстильном комбинате работницей, и в сельсовете секретарем, и в заповеднике Аксу-Джабарлы (Чимкентская обл. КазССР) лаборантом, а затем метеонаблюдателем, и в школе учителем, и на курсах повышения квалификации учителей при Ташкентском облоно преподавателем.

Поступив на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, Б.Х. Кармышева предполагала стать археологом: она закончила в 1945 г. кафедру археологии у проф. М.Е. Массона. Но по счастливой случайности после окончания университета Балкис Халиловна в связи с замужеством переехала в Душанбе, где начала работать в Институте истории, археологии и этнографии Таджикского филиала АН СССР, руководимом в то время легендарным А.А. Семеновым. В 1950 г. она поступила в аспирантуру при Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. Научным руководителем ее стал Л.П. Потапов. Вернувшись после окончания аспирантуры в Душанбе, Балкис Халиловна проработала в указанном институте до 1956 г. сначала ученым секретарем, а затем старшим научным сотрудником. С 1956 г. Балкис Халиловна работала в Институте этнографии АН СССР в Москве. По воспоминаниям самой Балкис Халиловны, М.Е. Массон, прочитав ее первую книгу «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период» (1960), сказал, что теперь он не жалеет, что Балкис Халиловна изменила археологии и стала этнографом.

Основное свое предназначение в этой жизни Б.Х. Кармышева видела в самоотверженном служении науке. И это свое предназначение она выполнила сполна. В жизни деликатный и мягкий человек, Балкис Халиловна была требовательна и даже нетерпима, когда дело касалось науки. Она совершенно не выносила недобросовестности, поверхностности, неуважительного отношения к достижениям предшественников, приспособленчества. Но требовательность ее распространялась прежде всего на саму себя. Ее честнейшее отношение к работе служило примером для всех нас. Балкис Халиловна была способна часами рыться в словарях, справочниках, специальной литературе (что, кстати, доставляло ей истинное наслаждение), чтобы уточнить какую-нибудь небольшую деталь для очередной статьи; она без устали переделывала написанное, стремясь к совершенству. Эта кропотливость и тщательность, бесконечная отшлифовка поглощали значительную часть ее времени, и она писала несколько медленнее, чем могла бы. Но зато все ее работы были выверены до предела; небрежных, наспех написанных работ среди них не было.

Энергичная, целеустремленная, интересующаяся всем и вся, Б.Х. Кармышева пыталась объять необъятное; вынашивала множество планов, задумок. И хотя Балкис Халиловна понимала, что жизнь, увы, скоротечна и она вряд ли успеет осуществить все задуманное, она продолжала строить новые планы и мечтать о написании той или иной статьи.

Такой же «ненасытной» Б.Х. Кармышева была и в экспедициях: записывала буквально все, что было важно, по ее мнению, для науки, особенно если это «что-то» было на грани исчезновения. Этнограф до мозга костей, она буквально наслаждалась общением с информаторами. Не меньшее удовольствие получали от общения с ней и информаторы. Эти взаимная симпатия и доверие давали исследовательнице возможность добывать уникальнейший полевой материал, который смог бы собрать далеко не каждый этнограф.

В результате за свою жизнь Б.Х. Кармышева собрала такое количество самого разнообразного полевого материала, что сама понимала: обработать и опубликовать его она вряд ли успеет. И поэтому значительную часть времени в последние годы она тратила на переписку набело своих записей (чем занималась каждую свободную минуту), чтобы сохранить их для науки. Ее не волновало, что кто-то воспользуется ее записями и при этом даже не сошлется на нее. Единственным ее желанием было, чтобы этот материал не пропал, а вошел в научный оборот. Так же болела она и за чужой полевой материал.

Диапазон творчества Б.Х. Кармышевой был очень широк: от изучения птичьих перьев в костюме среднеазиатских народов (кстати, статья «К вопросу об украшениях из птичьих перьев у народов Средней Азии и Казахстана» 1989 г. – одна из самых скрупулезных и изящных работ Балкис Халиловны) до этногенеза и этнических процессов. При этом она писала практически обо всех коренных народах Средней Азии и Казахстана: узбеках, таджиках, киргизах, казахах, туркменах, арабах, а также о башкирах, татарах, грузинах, венграх.

Скотоводство и земледелие, различные промыслы, в том числе женские, одежда и жилище, брак и семья, жизнь детей, погребально-поминальные обряды, ислам и служители ислама, конные игры, фольклор, ономастика, терминология – вот лишь малая толика того, о чем писала Балкис Халиловна. Но красной

нитью через все ее творчество проходила ее любимая тема: взаимоотношения оседлого населения Среднеазиатского междуречья с кочевым, разработка которой была начата исследовательницей уже в упомянутой выше монографии «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана» и которая наиболее четко отражена в статьях «Кочевая степь Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX века (по этнографическим данным)» 1976 г., «О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным)» 1979 г. и в монографии «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)» 1976 г.

Б.Х. Кармышева впервые четко сформулировала мысль о том, что «одним из существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического развития Мавераннахра эпохи феодализма, было тесное взаимодействие оседлого населения оазисов с их интенсивным поливным земледелием, развитым ремеслом и торговлей и так называемой кочевой степи». Идя дальше, она своими работами доказала, что «кочевая степь» была не только за пределами Мавераннахра, но и «внутри его самого», ибо в пределах Среднеазиатского междуречья оазисы перемежались с обширными степными и полупустынными районами, а также горной и предгорной зонами, где обитали кочевники и полукочевники. И именно взаимодополняемость хозяйственной деятельности оседлого и кочевого населения создавала условия для этнокультурного сближения и даже смешения различных групп населения. Но, с другой стороны, этот сложившийся на протяжении веков хозяйственный симбиоз определил и устойчивость самосознания, и самобытность каждого из этнических компонентов населения этого региона.

Б.Х. Кармышева практически первой стала разрабатывать проблему формирования этнического состава населения Таджикистана и Узбекистана по этнографическим данным, открыв путь дальнейшим исследованиям этого плана. Избрав для обследования одну из сложнейших историко-этнографических областей Средней Азии, известную до революции под названием «Восточная Бухара» (бассейн правых притоков Амударьи), Б.Х. Кармышева с присущей ей добросовестностью буквально исколесила регион из конца в конец, изучая его население. В результате появился уже упоминавшийся труд «Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана (по этнографическим данным)» в котором дана практически полная картина истории формирования населения не только Восточной Бухары, а пожалуй, всего Среднеазиатского междуречья.

Б.Х. Кармышева одной из первых среди этнографов стала серьезно и обстоятельно изучать узбекские племена, жившие на территории Узбекистана и Таджикистана: локайцев, тюрков, карлуков, конгратов, юзов и др. Она впервые показала, что не только кочевое и полукочевое население Мавераннахра отличалось наличием разнообразных этнических компонентов, но в ряде районов, в частности в Восточной Бухаре, издавна оседлое узбекское и таджикское население, которое принято было считать достаточно монолитным, тоже состояло из этнографических групп территориального и генетического типа, которые при определенных условиях приравнялись к узбекским племенам. Кроме того, именно из работ Б.Х. Кармышевой стало известно о том, что далеко не на всей территории Среднеазиатского междуречья самоназванием таджиков и издавна оседлых узбеков было «сарт», как считали до нее. В Восточной Бухаре, а также в бассейнах Зеравшана и Кашкадарьи их самоназванием было «чагатай».

Не требуя признательности от других, Б.Х. Кармышева тем не менее сама умела быть благодарной. И в первую очередь она была благодарна судьбе за то, что та свела ее с такими крупнейшими учеными, как М.Е. Массон, А.А. Семенов, Л.П. Потапов, М.С. Андреев, Е.М. Пещерева, А.К. Писарчик, В.Г. Мошкова и др., которые были и ее учителями, и ближайшими друзьями. О годах, проведенных рядом с ними, Балкис Халилова вспоминала с неизменным восторгом, а к их трудам относилась с глубочайшим уважением. Она предполагала написать серию статей-воспоминаний о них, но успела написать только о В.Г. Мошковой (для американского издания книги В.Г. Мошковой «Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в.»). Статья о Е.М. Пещеревой из-за болезни Балкис Халиловой, к сожалению, так и осталась незавершенной.

В последние годы Б.Х. Кармышева много и увлеченно работала над подготовкой к печати дневниковых записей своей матери Галии Кармышевой «Мемуары. К истории татарской интеллигенции (1880–1930-е годы)» и очень огорчалась из-за того, что они так и не были опубликованы: ведь это великолепный этнографический источник не только для изучения татарской интеллигенции, но и народов, живших в Восточном Туркестане (Западный Китай).

С меньшей увлеченностью работала Б.Х. Кармышева в последние годы и над архивом репрессированного этнографа Ф.А. Фильштрупа. В результате были опубликованы две статьи об этом ученом: «Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования

Ф.А. Фиельструпа» (1988) и «От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельструпа» (1999), разобрана и подготовлена к печати (в соавторстве с С.С. Губаевой) часть архива, посвященная обрядовой жизни киргизов начала XX в.

Обе эти работы, мемуары матери и архив Ф.А. Фиельструпа были очень дороги Балкис Халиловне не только потому, что они имели отношение к близким ей людям (Ф.А. Фиельструпа Балкис Халиловна тоже рассматривала как близкого человека, так как он был мужем ее любимой наставницы и близкого друга Е.М. Пещеревой). Обе работы, считала Балкис Халиловна, представляют несомненный интерес как этнографические источники, публикация которых существенно обогатила бы отечественную этнографию. В работе над этими двумя архивами ею двигала боль за то, что многое из традиционной культуры народов ушло и продолжает уходить. То, что часть из стремительно исчезающего счастливым образом оказалась зафиксированной незаурядными людьми, рассматривалось ею как большая удача для науки, и это просто необходимо было ввести в научный оборот.

Б.Х. Кармышева много сделала для подготовки научных кадров для Средней Азии. Без преувеличения можно сказать, что многие этнографы Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Туркмении прошли через ее руки. Каждому обратившемуся к ней за помощью она, несмотря на свою бесконечную занятость, старалась помочь по мере своих возможностей, без усталости читала и правила их работы. И будучи выправленными, эти работы неизменно обогащались, приобретали основательность. Неслучайно среднеазиатские ученые относились к ней с пиететом и считали ее (и небезосновательно) светилом среднеазиатской этнографии. Но не только среднеазиатские этнографы относились к Балкис Халиловне, к ее знаниям с глубочайшим уважением. Такие крупнейшие ученые, как О.А. Сухарева, Б.В. Андрианов (список этот можно продолжить), называли ее надеждой этнографии.

Но теперь ее нет. Впрочем, это не совсем верно. Она всегда с нами. Ведь с нами остались ее работы, осталась светлая память о ней.

С.С. Губаева

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ БАЛКИС ХАЛИЛОВНЫ КАРМЫШЕВОЙ, изданных в 1985–2000 гг.*

К вопросу о хозяйственных связях оседлого и полукочевое населения Средней Азии: по материалам Южного Узбекистана конца XIX и начала XX в. // Вопросы советской тюркологии. Тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 1985.

Узбекское войлочное производство // Тез. докл. науч. конф. «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» (26–29 мая 1985 г., Дальверзин-теле). Ташкент, 1985.

Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии (историко-этнографические очерки). М., 1986.

К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987.

Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (полевые исследования Ф.А. Фиельструпа) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 10. М., 1988.

К вопросу о реликтах почитания растений у народов Средней Азии // Тюркология-88. Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркологической конф. (7–9 сент. 1988 г.). Фрунзе, 1988.

К вопросу об украшениях из птичьих перьев у народов Средней Азии и Казахстана // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.

* Список трудов с 1951 по 1985 г. см.: Сов. этнография. 1986. № 4. С. 146–148.

К этнической истории туркмен Среднеазиатского междуречья // Туркмены в Среднеазиатском междуречье. Ашхабад, 1989.

Зааминские и бахмальские киргизы // Всесоюз. науч. сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тез. докл. в 3-х частях. Ч.2. Алма-Ата, 1990.

Этнические процессы у населения горной зоны Средней Азии в новое время // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 3. Этнография. М., 1991.

Гунорта Озбекстандакы туркменлерин ерлешинин тарыхы хакында (XIX асырын ортасы – XX асырын башы) // Туркмен халкынын гелип чыкышынын, дуняэ яйрайшынын ве онун довлетинин тарыхынын проблемалары. Халкара ылмы конференциянын докладларынын ве хабарларынын тезислери. Ашхабад, 1993 (на туркменском яз.).

Узбеки племени кыргыз в Среднезеравшанской долине // Этнограф. обозрение. 1997. № 2.

Изготовление войлока у узбеков // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1998.

От тропических лесов Амазонки до Центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельструга // Репрессированные этнографы. М., 1999.

Основные виды переносного жилища узбеков // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.

Комментарий к разделу «Свадебные обряды у киргизов» Ф.А. Фиельструга // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000 (в соавт. с С.С. Губаевой).

АВТОРЫ СТАТЕЙ

Бобровников Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела стран СНГ Института востоковедения РАН (Москва).

Будина Оксана Рувимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии русского народа ИЭА РАН (Москва).

Булгакова Татьяна Диомидовна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры культуры народов Крайнего Севера Российского государственного университета им. А.И. Герцена (С.-Петербург).

Заднепровская Александра Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского этнографического музея (С.-Петербург).

Карлов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ.

Сампиев Исрапил Магометович – кандидат философских наук (Назрань).

Соколовский Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнической экологии ИЭА РАН.

Соловей Татьяна Дмитриевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры этнологии исторического факультета МГУ.

Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии, заведующий кафедрой этнографии Омского университета.